

будто немного этим встревожен. Так как она жила очень далеко, я не мог видеть ее достаточно часто и потому пришел в восторг, услышав, что ее уговаривают переселиться в наши края. Но это трудно было выполнить, потому что ее мать уже успела внести плату за полгода в том доме, где они жили, и, переезжая в другой, она бы эти деньги потеряла; а на это милая женщина никак не могла решиться. Я подослал к ней одного из своих друзей, который тайно условился с ней, что снимет этот дом на полгода, якобы для одной знакомой, коей будто бы негде жить. Мне удалось уведомить об этом мою даму, которая весьма этому обрадовалась, и устроить таким образом, что ее переезд не стоил ни гроша ни ее матери, ни мне, так как она уговорила домохозяина поселиться там самому. Тем не менее я оказался в дураках, ибо ее тетки и кузины постоянно находились подле нее и я мог говорить с этой дамой в десять раз реже, чем прежде. Наконец она решила выйти замуж за одного престарелого вдовца, знатного дворянина, уповая на то, что у нее не будет от него детей, поскольку первый его брак был бездетен: однако она рожала каждый год. Он был в числе моих друзей и называл меня своим питомцем; я стал даже наперсником в его любовных делах и иногда писал для него стихи. Она же долгое время выказывала ему суровость и даже презрение. «Увы! — восклицал я. — Бедняга! ему ничего не остается, как сесть!» Он был слишком стар для нее. Как только они пожелались, я решил о ней больше не думать и однажды сказал: «Бьюсь об заклад, сударыня, что вы сожгли все стихи, которые я вам подарил». — «Отнюдь, — отвечала она, — я могу их вам все показать». — «Хранить их уж лет смысла, — сказал я, — вы стали женой моего друга; советую вам их сжечь». Она повяла, почему я так говорю, и ответила, краснея: «Я сделаю так, как вы желаете». Не знаю, что произошло потом, но мы с нею навсегда сохранили взаимное уважение.

Когда умерла моя родственница, я полагал, что первая Вдовушка не будет так безумствовать, как раньше, но все пошло хуже чем когда-либо. В ревности она доходила до такого безумства, что полагала, будто я сплю со всеми женщинами, которых вижу. «Как могут другие устоять перед вами, если я не устояла!» — восклицала она. В конце концов она дошла до того, что стала обвинять меня, будто я сплю с ее сестрами (их у нее было две, обе некрасивые),* а также с моими родными сестрами. «Да, — говорила она, — я не поручусь, что вы щадите даже ваших теток». — «Но как же это возможно? Вы же знаете, сколь я исправно служу вам». — «О! — откликнулась она, — я никогда еще не видала столь грубого животного, как вы; в своей чувственности вы не знаете границ». Она мне льстила больше, чем я того заслуживал.

Вот пример ее нелепых фантазий. Жена одного из моих кузенов скинула; Вдовушка вообразила, будто эта женщина была беременна

* Которые ненавидели меня смертельно. Одна из них умерла.